
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт восточных рукописей

MONGOLICA-XX

Сборник научных статей по монголоведению
посвящен 200-летию со дня основания Азиатского музея /
Института восточных рукописей РАН

St. Petersburg
2018

ПЕРЕВОДЫ

В. Инжинаш

Палата красных слез

DOI: 10.25882/3gqz-3j71

Роман

Глава шестая

*Посреди большой реки княгиня Гу плачет о дочери.
Княжна Бэнь находит внутри холмика каменный ящик.*

Итак, целых полдня искали утопленницу, уже солнце спустилось за горы, вдали поднимался туман, но поиски оказались напрасны. Лодки по-прежнему не двигались с места.

— Берега здесь крутые, скалистые — отроги гор Цзиньшань, — сказали лодочники, — и течение сильное. Так что искать барышню бесполезно. Завтра с утра, когда будем идти по течению, может быть, и найдем ее тело.

Управляющим ничего не оставалось, как передать эти слова княгине.

— Успокойтесь, госпожа. Такая, значит, судьба у барышни, пришел ее час. — Княгиня зарыдала, а следом за ней все, кто был рядом. В тот вечер никто не прикоснулся к ужину. Всю ночь реку оглашали стенания. Пинсяо несколько раз порывалась броситься в реку, хорошо, что Жуйхун ее удержала. Услышав об этом, госпожа Гу позвала Пинсяо к себе.

— Твоя госпожа оступилась и упала в воду, таково, значит, предначертание судьбы, — поучала она, — смерть ли, рождение — на все воля неба. Будешь прислуживать пока второй госпоже. А когда вернемся домой, я решу, как с тобой поступить. Только прошу тебя, выбрось из головы глупости.

— Барышня меня вскормила и воспитала, — захлебываясь слезами, проговорила Пинсяо, — в благодарность я тоже должна умереть и прислуживать ей на дне желтого источника.

Пинсяо в отчаянии стала кататься по полу, и никак нельзя было ее успокоить. Наконец тетушка На пристыдила ее:

— Слушай, что тебе говорят, и перестань плакать. Вот найдут тело барышни, похоронят, ты и тогда успеешь умереть. Не верю я, что она погибла. Может, живую ее найдем.

Женщины вытерли слезы и принялись утешать госпожу Гу. А она в свою очередь обратилась к Пинсяо:

— Хватит тебе кататься по полу! Вставай! Я помолюсь в храме, поставлю свечку и во все стороны пошлю гонцов на поиски. Ее найдут.

Тем временем явились управляющие и, стоя за дверью, доложили:

— Пришел посыльный из монастыря в сопровождении монахов, говорит, что пора возжигать благовония. Паланкины ждут вас на берегу.

— Ну вот, лишние хлопоты доставили монахам, скажите, что мы идем! — произнесла княгиня Гу.

Она быстро привела себя в порядок и в сопровождении служанок отправилась на берег. Там она позвала управляющего и приказала:

— Возьми маленькую лодку, поезжай к господину Цзиню, расскажи о случившемся. А лодочникам вели продолжать поиски. Если барышню найдут, хорошо бы похоронить ее вместе со старой госпожой.

Княгиня Гу опять заплакала.

— Я пойду молиться за упокой старой госпожи, а потом закажу молебен по двум барышням.

Управляющий закивал головой, сел в лодку и помчался по реке со скоростью пущенной стрелы. Княгиня Гу взяла с собой несколько слуг, добралась до берега, села в паланкин и вскоре оказалась у ворот горного монастыря. Монахи, заметив приближение благодетельницы, ударили в барабан, и началось богослужение.

Княгиню Гу пронесли в паланкине через горные ворота прямо к Залу небесных князей, ее встретил сам настоятель монастыря и по галерее провел в главный храм, здесь посередине стояли статуи трех Будд, повелителей прошлого, настоящего и будущего, а перед ними большие хрустальные чаши для подаяния и неугасимые лампы. На жертвенном столике — благовония, курильницы и еще всякие ритуальные предметы. Пятьсот монахов нараспев читали молитву о спасении. Блеск свечей и аромат благовоний уводили из бренного мира в ворота пустоты.

Княгиня Гу зажгла три ароматные свечи, стала кланяться и молиться.

— Да помогут эти жертвоприношения и лампы всем страждущим переплыть море страданий. Да поможет первая свеча нашей почтенной госпоже возродиться в стране счастья. Да поможет вторая свеча нашим погибшим девочкам обрести новое рождение. Да поможет третья свеча моему супругу и всем чадам и домочадцам пребывать в добром здравии и покое.

Помолившись, госпожа Гу повернулась к служанкам:

— Этот храм не уступит волшебному храму на острове Пэнлай, обители бессмертия.

Служанки тетушки На потихоньку тоже зажгли свечи, молясь каждая о своем. Вдруг Пинсяо с возгласом «О Будда!» стала рыдать. Заплакали и остальные женщины.

Явился монах звать гостей в келью настоятеля пить чай. Домик, где жил настоятель, стоял в бамбуковой роще на берегу озера, и там было прохладно.

— Почему у вас так много монахов? — спросила госпожа Гу настоятеля.

Монах ответил, смеясь:

— А наша вера этого не запрещает. Чем больше, тем лучше.

Госпожа Гу, помня о том, что придется еще заказывать молебен о погибших девушках, приказала управляющим выдать монахам вознаграждение. После чаепития настоятель проводил гостей до ворот и сказал на прощанье:

— Хорошо, если и вечернюю молитву будут читать все монахи!

Тут в разговор вмешался управляющий:

— Конечно! И пусть зажгут все пятьсот светильников.

— Велика милость благодетелей наших, — произнес настоятель, все время улыбаясь и пятясь назад.

Госпожа Гу велела управляющему зажечь светильники и села в паланкин. Только они спустились с горы и вошли в лодку, как слуги доложили:

— Наш господин в устье Хуачжоу нашел утонувшую барышню и отправился на гору Пиншань, чтобы похоронить ее там рядом со старой княгиней.

Госпожа Гу хотела тотчас ехать, но к захоронению уже было не успеть.

— Доченька моя! Циньмо! — вскричала госпожа Гу, вслед за ней запричитали тетушка На, любительница поплакать, все служанки, мамки и няньки. Рыданья огласили реку.

А теперь вернемся к князю Цзиню, который отправился в Хуачжоу, чтобы совершить в горном храме Цзинь обряд захоронения своей почтенной матушки. Утро выдалось благоприятное, князь встал пораньше и уже собрался в храм, когда вдруг явился посыльный от княгини Гу и сообщил, что утонула Циньмо. Сам не свой от горя, князь все же сел в лодку — не откладывать же священный обряд захоронения! Едва они пристали к берегу, к ним подбежал какой-то человек и сказал:

— В устье реки нашли тело девушки. Лицо облеплено грязью, волосы разметались, на руках — золотые браслеты, в ушах — серьги из перламутра. Говорят, это барышня Циньмо. Может быть, господин сам взглянет?

У князя сердце сжалось от боли, и, нахмурившись, он сказал:

— Зачем мне смотреть на мое несчастное дитя? Купите быстрее гроб, найдите людей, пусть принесут гроб на гору Пин, я похороню дочь возле старой княгини.

Итак, прах почтенной княгини понесли к горе Пин. Князь шел рядом. У старой усыпальницы ждали слуги. Могила и надгробие были готовы. Князь поклонился праху отца, рядом с ним захоронил мать. Не успели совершить похоронный обряд, как появились люди с гробом Циньмо. Обливаясь слезами, князь велел здесь же похоронить дочь. Поставили памятник, тем дело и закончилось.

Солнце клонилось к закату, поднялся ветер. Только было они собрались в обратный путь, как слуги сообщили, что сейчас прибудет госпожа. И действительно, два небольших паланкина летели, словно по воздуху. Князь Цзинь со слезами на глазах встретил жену и госпожу На. Женщины подошли к могиле предков, поклонились, затем к свежей могиле Циньмо. Госпожа Гу заголосила и упала на землю. Князь бросился ее поднимать. Оба безутешно рыдали над могилой дочери.

Вдруг князь заметил Пинсяо, она, плача, стояла на коленях перед могилой своей барышни, держа в руках деревянную шкатулку. На вопрос князя, что за шкатулка, Жуйхун ответила:

— В этой шкатулке стихи, рисунки и рукоделье барышни. Пинсяо бережно хранит ее. Но лучше эту шкатулку похоронить вместе с барышней, чтобы, глядя на нее, госпожа не терзалась.

Она взяла у Пинсяо шкатулку, подала князю, тот положил шкатулку в расщелину надгробия и прикрыл сверху камнем. Тут вперед вышел слуга и промолвил:

— Солнце садится. До реки путь неблизкий. Да и младший господин наверняка уже прибыл.

Князь Цзинь должен был встретиться с сыном, поэтому все, не мешкая, направились к реке.

Надобно вам сказать, что у князя был сын по имени Цзиньчжун, младше Циньмо на три года. Ему должно было скоро исполниться 18 лет. В Чжэцзяне жил Синьхань, младший брат князя, бездетный. В его семье и воспитывался Цзиньчжун. Но недавно Синьхань умер, и юноша решил вернуться домой. Вместе со старым слугой Люгуном он привел в порядок комнаты и потому только сейчас смог приехать в Ханчжоу. Но родителей не нашли — лодки были пусты. Однако вскоре князь появился на берегу — прискакал на коне, и отец с сыном наконец встретились. Цзиньчжун на коленях приветствовал отца. Князю было и радостно и грустно увидеть сына совсем уже взрослым. Только они вошли в лодку, приехали княгиня Гу и тетушка На. Они тоже не

могли нарадоваться на Цзиньчжуна, так он возмужал, таким стал умным и рассудительным.

Рано утром, перед тем как тронуться в путь, Цзиньчжун поклонился могилам предков и старшей сестре и вместе с родителями отправился в Чжэцзян. Еще до захода солнца они достигли южного берега реки, где их ждали слуги с повозками, запряженными лошадьми. Князя вышли встречать родственники, крестьяне. От множества повозок на берегу места свободного не было.

Нечего говорить о том, как радовался князь возвращению в родные края после года разлуки. Дом был так чисто убран, что выглядел совсем новым. Пригласив родственников, князь целых три дня пировал.

Прошла осень, миновала зима, и снова настала весна. Начальник уезда Сун Тао прислал сватов за невестой для сына. И сам вместе с сыном тоже приехал.

Князь Цзинь не знал, как поступить. Признаться, что дочь утонула, ему не хотелось. Он посоветовался с женой, и та предложила вместо дочери просватать Пинсяо. Так и сделали — как в свое время вместо Лумэй просватали Цюйюй.

Княгиня Гу была уверена, что облагодетельствовала Пинсяо, выдав ее за чиновника. Ей и в голову не могло прийти, что для Пинсяо это сущий ад. Не подумал об этом и сам князь, человек умный, но малообразованный. Случилось, однако, так, что невзрачный с виду Сун Иньмэй был добрым и благородным и обращался с Пинсяо как с живой бодисатвой Гуаньинь. Не прожили молодые и года, как у них родился мальчик, точная копия Пинсяо. Отцовского в нем ничего не было.

Однако дед, начальник уезда, недолго огорчился по этому поводу, и внук был для него настоящим сокровищем. Пинсяо мало-помалу успокоилась и как-то ночью, в минуту откровения, обо всем рассказала мужу. Сун крепко обнял ее и сказал, что не любил бы Циньмо так, как любит Пинсяо.

Теперь расскажем о князе Бэне. Много произошло событий, пока он добирался до столицы. Это как раз время, разделяющее «Одноэтажный павильон» и «Палату красных слез». Но я полагаю, что рассказал об этом интереснее, чем Пинсяо.

Итак, Пинсяо поведала Пуую историю своего замужества. Убитый горем Пууй поспешил расстаться с Пинсяо, вышел и сел в паланкин. Следом за ним выбежал Сун и стал, заикаясь, кричать:

— Вы не поели и уезжаете! Это против всяких приличий.

Пууй, не дослушав, вышел из паланкина, махнул рукой и сказал:

— Мы еще встретимся!

Обменявшись несколькими вежливыми фразами, они расстались. Пууй снова сел в паланкин и, едва выехал за ворота, крикнул:

— Сестрица, сестрица! Что ты наделала?

Носильщики паланкина перепугались и словно на крыльях помчались вперед. Слуги, сопровождавшие паланкин, не поспевали за ними и только смеялись. К ним подошел Ма Чжу и строго сказал:

— Младший господин так страдает, а вы веселитесь! Да еще отстаете, еле плететесь!

— Уж очень смешной этот Сун Иньмэй, что ни слово, то заикается, — сказал один из слуг.

Ма Чжу про себя усмехнулся.

Всю дорогу Пууй плакал. Лишь когда показались лодки, вытер слезы и немного успокоился. Пока Ма Чжу расплачивался с носильщиками, Пууй вышел из паланкина и направился к лодке. Встретившись с матерью, рассказал ей о печальной судьбе Циньмо и Лумэй. Жалея племянниц, княгиня долго плакала.

К утру ветер стих, дождь прекратился. Лодочки ударили в тарелки, и лодки отошли от берега. Шел шестой месяц, от теплых ветров распустились в заливе лотосы. Чудесный аромат распространился далеко вокруг.

И вот путники приплыли в город Янчжоу. Все земли к югу от него находились под началом князя Бэня, и местные чиновники вышли встречать своего господина.

Князь Бэнь велел Гун Гао ехать вперед и привести в порядок резиденцию в Ханчжоу. Сын начальника области Янчжоу по имени Су Линьань был мужем Шицин.

На берегу выстроились в ряд бесчисленные повозки, запряженные лошадьми. На некоторых лодках бились на ветру паруса, все пришло в движение, нельзя было даже разобрать многочисленных надписей, выделялась только надпись на лодке князя Бэня: «По указу». Пришедшие на встречу чиновники послали слуг доложить о своем прибытии, после чего вошли в лодку и расселись в палате. Господни Бэнь был рад встрече с зятем, а тот, преклонив колени, приветствовал тестя и передал ему поклон от отца. Князь Бэнь поднял его и стал расспрашивать о событиях в городе, о домашних делах. После этого Су Линьань церемонно приветствовал остальных чиновников.

Глава седьмая

В павильоне вспоминают прошлое и описывают настоящее.

В гостинице исполняют долг и оказывают милость.

Итак, Пууй ощутил под ногой что-то твердое, это был камень, а под камнем, когда его отодвинули,

оказалась шкатулка из красного сандала с медным замком. Вряд ли там хранились драгоценности —

слишком легкой она была, скорее шелк и бумага. Пуюй отдал шкатулку слуге, подвинул камень на прежнее место и засыпал землей. Затем низко поклонился и промолвил:

— Я принял все, что завещала мне сестрица. Отнесу домой, заверну в шелк, украсу золотом и яшмой и буду беречь как зеницу ока, по утрам и вечерам возжигать благовония, подносить самые изысканные яства. Хоть этим отблагодарю милую мою подругу. Пусть приходит ее светлая душа, примет от меня жертвоприношение.

Завершив обряд, Пуюй решил возвратиться в беседку.

— Наконец-то мы отдохнем, — промолвил один из слуг.

— Подожди радоваться, — сказал Болянь, — по дороге много старых могил. Как бы снова не пришлось землю копать. Так что готовь лопату да корзину!

Разговаривая и смеясь, они подошли наконец к беседке. Слуга из дома Бэней доложил, что рис подан и господина приглашают к столу. Задремавший было Су Линъань проснулся, вышел из беседки и, заложив руки за спину, любовался бамбуком. Вместе с Пуюем, который как раз подошел, они направились в столовую, где были накрыты столы. Слуги Пуюя пошли к реке умываться. Пуюй стряхнул пыль с одежды, и они с Су Линъанем сели за стол.

Когда все собрались идти к реке, князь Бэнь с сыном и зятем подошел к чиновникам.

— Мудрые, уважаемые князья! — обратился к ним князь Бэнь. — Стар я стал и рассудком оскудел. Посоветуйте, как отблагодарить за столь почтительное ко мне отношение?

Тут поднял руку один из чиновников по имени Ван Тайшоу.

— Вы — опора государственной власти, — молвил он, — столп правления, и наш святой долг — вам подчиняться. Ведь мы — простые чиновники!

Так, обмениваясь любезностями, они пришли на берег. Слуги уже успели поесть и приготовить легкую лодку у моста Радуги.

Князь Бэнь, садясь в лодку, простился с чиновниками, которые помахали ему на прощанье, и лодка отошла от берега. Проводив князя, чиновники разъехались в разные стороны.

Едва князь Бэнь прибыл на место, Гао Чжэнь явился к нему с докладом:

— Из Чжэцзяна, из дома Гуна, приехал Люгун справиться о вашем здоровье и о здоровье госпожи.

Князь Бэнь велел просить Люгуна. Тот вошел, опустившись на колени, приветствовал князя и попросил его навестить их по пути.

— Передай от меня поклон госпоже Гу и скажи, что если бы даже это было не по пути, повидаться необходимо, ведь больше года прошло с тех пор, как мы расстались. Сам я, пожалуй, не смогу отлучиться из-за множества срочных дел, а вот княгиня наверняка захочет навестить родственников. А мы с Пуюем продолжим путь.

Люгун кивнул и вместе с Гао Чжэнем отправился к княгине Цзинь. Стоя за дверной занавеской, Люгун поздоровался с княгиней. Та очень обрадовалась родственнику, вышла к нему и засыпала вопросами. Люгун пробыл у княгини до самого вечера, пока не зажгли фонари.

Сразу же после его ухода княгиня пошла к мужу и сказала, что хочет заехать к родственникам. Тотчас же был послан вперед слуга. И когда они, миновав Гуачжоу, подошли к южному берегу Янцзы, там их ждал Цзиньчжун, сын князя Цзиня, с паланкином и повозками. Княгиня вышла из лодки, села в паланкин, и вся процессия направились в город. А князь Бэнь продолжал путь к озеру Тайху.

Тем временем Пуюй перешел в свою лодку, достал сандаловую шкатулку, открыл, и в воздухе тотчас распространился тонкий аромат. Он проник Пуюю в самое сердце. Сверху в шкатулке лежал шелковый перевязанный зеленой шелковой лентой мешочек с исписанными листами бумаги. На первом из них было написано:

Когда дует прохладный осенний ветер,
Кольшутся травы, словно развевают грусть.
На багрянце листа выведены стихи.
Вспоминаю верного друга, сердце разбито.

Прочитав эти строки, Пуюй места себе не находил от волнения. Он то вскакивал, то колотил кулаком по столу, то тяжело вздыхал. Еще в мешочке было рукоделие: две бабочки, вышитые на шелке, — от него тоже исходил аромат. А как изящно, с каким вкусом все было сделано! Еще хранился в мешочке белый шелковый платочек, на нем голубыми нитками в углу было вышито:

Сквозь Красное сердце прошла игла рукодельницы.
Долгая дума вошла в ушко иглы вместе с длинной ниткой.

Пуюю показалось, что сердце его и в самом деле пронзили иглой и прошли насквозь. Он подумал: «Нет сомнений, что сестрица все это мне завещала. Она была такой скрытной. Трудно было угадать ее мысли. Она обижалась, что никто не понимает ее души, прекрасной, как нефрит, и изливала свои чувства в стихах. Стихотворение „Светла река“, например, написано как раз той осенью, когда сестрица болела».

Можно понять, отчего стало так тяжело на душе у Пуюя! Лодка плыла посередине реки. Волны вздымались, накатывая одна на другую, отливая серебром гребней. Вода бурлила, словно в котле. Пуюй, глядя на реку, произнес со вздохом:

— О великая река, сколько поэтических душ приняла ты в свои глубины! Пусть высыхают реки, рушатся горы, не гас бы только огонь души!

На другом листе написаны были слова песни, которую пела перед разлукой в тот год Циньмо, аккомпанируя себе на цитре. Какие прекрасные это были слова! Они привели Пуюя в восторг.

На самом дне шкатулки лежало что-то завернутое в шелк. Это оказался свиток бумаги, совершенно чистой, без всяких надписей. Пуую удивил. «Почему сестрица так бережно обернула в шелк этот свиток? Чем он ей дорог?» Пуую посмотрел лист бумаги на свет, но ничего не увидел. Положил на стол и задумался. Тут слуга принес чай. Пуую приказал ему снова свернуть лист. Но только было слуга начал его сворачивать, как оттуда вдруг выпал еще один свиток.

Гухуа поднял его, развернул и ахнул:

— Какая красавица!

Пуую выхватил лист, взгляделся — это был чудесный портрет. Нежнее и белее яшмы круглое личико, темнее гор длинные тонкие брови, нос будто выточен искусным мастером, губы — на картине таких не увидишь. Кожа — снега белее, волосы иссиня-черные. Это была Циньмо! Самая любимая и прекрасная, самая нежная и дорогая его сестрица! Мгновенная радость вспыхнула в нем. Он позвал слуг, велел им держать рисунок, а налюбовавшись, отвесил низкий поклон, словно перед ним была живая Циньмо, и проговорил:

— Тебе кланяется недостойный твоей любви младший брат Пуую. Пусть эти ароматные свечи послужат знаком моего глубокого раскаяния.

Он снова поклонился и велел положить портрет на стол. Затем прикрепил его к стене на самое видное место. А когда слуги заварили чай, налил его в пиалу и поставил перед портретом.

Циньмо на рисунке была как живая, и Пуую глаз не мог от нее отвести. Она сидела с тетрадью в руках, казалось, устремив взор на Пуую. Рядом мелкими иероглифами было написано:

Если одиноко будешь стоять перед картиной.
Кто поймет твою нежную красоту яшмы?

Пуую закивал головой и со вздохом промолвил:

— Верно, верно! Кто, кроме меня, поймет истинную твою красоту?

Дальше шли такие строки:

«Травы любят прозрачную реку и смотрят в осенние воды». Пуую усмехнулся:

— Бедная моя сестрица! Не встретился на твоём пути человек, способный тебя понять, полюбить, вот ты и грустишь в одиночестве.

«Ты любишь меня, я люблю тебя», — это была следующая строка. У Пуую сердце сжалось от боли, по щекам покатились слезы.

А теперь расскажем вам о Великом озере — Тайху. Надобно вам знать, что у этого озера были и другие названия: озеро Грома, озеро Ли (иногда по нему плавал Фаньли — древний ученый). Это было самое большое озеро на юге Китая. По его берегам высились, словно мачты, семьдесят два горных пика, остриями уходящие в самое небо. Днем в озере отражалось солнце, ночью — луна, и вода в нем сверкала и переливалась, как чешуя дракона. В тот день лодки

плыли вдоль левого берега озера. Все окна открыли настежь, чтобы видны были пики. Погода стояла тихая, ясная, но вдруг порыв ветра ворвался в комнату и унес портрет, отдав его на волю волн. Пуую закричал:

— Спасите портрет сестрицы, скорее достаньте его из воды, не то я сам брошусь в реку! — Он подбежал к окну и бросил в воду палку. Слуги бросились к нему, принялись уговаривать:

— Господин, остановитесь! Мы отыщем портрет, — и прыгнули в шлюпку.

Переполошив всех, Пуую испугался, как бы не узнал об этом отец. В это время кто-то закричал с лодки:

— Не мог лист бумаги далеко уплыть! Он где-нибудь здесь.

Стали искать возле лодки. — Тут раздался голос Ма Чжу:

— Здесь! Здесь! Нашли.

Юанькай поплыл к лодке и взял у Ма Чжу портрет.

— Барышня Циньмо укрылась под днищем лодки, — засмеялся Ма Чжу. Пуую схватил рисунок и увидел, что он цел и невредим, даже глина к нему не прилипла. А краски будто стали еще ярче.

— Это я испугал барышню, — проговорил Пуую снова, кладя рисунок на стол. Слуга сказал:

— Спрячьте пока портрет, а то ветер опять его унесет. Вот прибудем на место, тогда и станете любоваться им у себя в кабинете. Еще немножко, и барышня уподобилась бы героине из пьесы «Цянь Юйлянь бросается в реку».

Пуую улыбнулся.

— Сейчас спрячу. Только напишу несколько слов в ответ на чувства сестрицы.

Окончив писать, он перечел стихи, свернул трубочкой лист, обернул в шелк, скрепил, положил все вещи в шкатулку в прежнем порядке, запер на замок и поставил рядом с подушкой.

— Будь у сестрицы Цинь иная судьба, счастливая, она все равно помнила бы меня и всегда верила, что я люблю и помню ее. Потому и оставила все эти вещи. Не кому-нибудь, а именно мне. Кто же еще это может быть, если не я? — Пуую долго горевал и плакал.

А теперь вернемся к княгине Цзинь. Она благополучно прибыла в Чжэцзян, встретила с госпожой На и князем Цзинем, провела у них день и собралась в обратный путь. Не прошло и нескольких дней, как она в своей маленькой лодке догнала остальных, в которых плыли муж и сын.

На следующий день лодки подплыли к городу. Встречать князя и его домочадцев пришла целая толпа — об этом позаботился генерал-губернатор провинций Фуцзянь и Чжэцзян. Были на берегу также тридцать высоких чиновников, около ста офицеров и военачальников. Встречающие держали в руках именные таблички. От берега и до самых городских ворот яблоку негде было упасть. Князь Бэнь

приветствовал равных по рангу чиновников, взял за руки губернатора Мэ, поблагодарил за то, что тот помог снять дом. Напоследок пообещал, как только устроится, принять чиновников. После этого все с поклонами разошлись.

Остались только военачальники. Они усадили князя в большой паланкин и пешком провожали до города. Здесь в честь князя трижды пальнули из пушек. Улицы были украшены красными шелковыми полотнищами, а перед недавно выстроенным зданием Управления морской обороны висели фонарики.

А в это время Пуюй, княгиня Цзинь, Гун Гао и все домочадцы дожидались с повозками возле дома. Там же двумя рядами выстроились чиновники, ведающие соляными разработками, в руках они держали таблички, оклеенные красной бумагой. Когда в ворота внесли паланкин с князем Бэнем, все чиновники пали на колени и, подняв таблички, приветствовали его. И снова трижды пальнули пушки. Нет слов, чтобы описать торжественность этой встречи.

И вот потянулись чередой дни без отдыха и покоя. Князь то принимал высоких сановников, то отдавал распоряжения подчиненным, проверял войска. Приемы, визиты, деловые встречи. Так продолжалось целый месяц. Хорошо, что за год до приезда князя во все провинции разослан был императорский указ о наведении порядка в городе. С разбойниками было покончено — на море и на суше воцарилось спокойствие. И все же следовало быть начеку, держать в боевой готовности всадников и пехотинцев. Поэтому князь Бэнь послал в столицу человека с соответствующей бумагой. Затем он пригласил своих старых друзей — писателей и художников: Ли Сянцзана и Сы Тяньчжэня.

Пуюй тоже не знал ни минуты покоя — он везде сопровождал отца. Не мог даже побывать на озере Сиху, о чем давно мечтал.

Столько разнообразных событий произошло одновременно, сколько лепестков у цветка, и моя кисть не в силах их охватить. Мы рассказали о том, как отец с Пуюем прибыли в Ханьчжоу. И пока оставим их там.

А теперь хорошо бы снова ударить по струнам, когда в небе взойдет луна и засияют звезды. И еще надо рассказать о бедняжке Лумэй. Итак, переодевшись женщиной, она всю ночь ехала верхом в северном направлении. А на рассвете Лотин помог девушкам спешиться, ножом обрезал им косы. Девушки поглядели друг на друга и улыбнулись. Затем сняли серьги и кольца, после чего снова сели на коней и продолжили путь.

— Когда наконец мы приедем? — со вздохом спросила Лумэй. — Уж не сбились ли мы с пути?

— Не беспокойтесь, барышня, — ответил Лотин, — недалеко от столицы живет дядя Хуамэй, прямо у городских ворот. Там мы остановимся и немного отдохнем.

Лумэй обрадовалась. Она вспомнила, что младший брат ее матери тоже живет в столице и служит

виночерпием в училище Сынов отечества. Как только они приедут, она сможет навести о нем справки.

Шел последний месяц весны. Деревья оделись густой листвой, пышно разрослись травы, то тут, то там куковали кукушки. Среди всей этой красоты грустно было предаваться своим мыслям. Проехав весь день, они добрались наконец до столицы. И вдруг Хуамэй заболела. С того самого дня, как барышню Лумэй решили отдать замуж, она все время страдала, не спала ночи, а долгая утомительная дорога окончательно подорвала ее здоровье. Слишком много забот свалилось на ее хрупкие девичьи плечи, и она не выдержала, хотя была от природы сильной и здоровой.

Просыпаясь по утрам, она превозмогала себя, но когда добрались до постоялого двора, упала на кан и не в силах была подняться. Лумэй подошла к ней, Хуамэй вся горела, взывала к Небу и плакала навзрыд. Как говорится, «беда — не радость, одна не приходит». Лумэй сняла с нее куртку, развязала пояс, уложила больную на войлочную подстилку, сняла с нее чулки и укрыла. Только она хотела отойти, как Хуамэй закричала:

— Пить! Холодной воды!

Лумэй, не дожидаясь слуги, побежала к колодцу, принесла воды и, поддерживая голову Хуамэй, поднесла к ее губам пиалу, но Хуамэй впала в беспамятство. От испуга Лумэй принялась трясти подушку, на которой лежала Хуамэй. Наконец та подняла голову и, не открывая глаз, глотнула воды. Ей стало полегче, она открыла глаза и тогда увидела, что за ней ухаживает Лумэй. Слабой рукой она взяла руку своей госпожи и, вымолвив: «барышня», залилась слезами. Лумэй заплакала.

В тот вечер Лумэй ничего не ела и всю ночь просидела у постели больной. Хуамэй то впадала в беспамятство от сильного жара, сбрасывала одежду и одеяло, то начинала дрожать от озноба. А Лумэй то укрывала ее, то принималась обмахивать веером, как настоящая сиделка, хотя сама обливалась потом. Девушки словно поменялись местами — госпожа ухаживала за служанкой. С утра хлынул дождь, Хуамэй стало хуже, и им пришлось остаться на постоялом дворе.

Лотин, заядлый картежник, все время где-то пропадавал. Так было и в тот день. Дождь все усиливался, с крыши длинными нитями стекала вода. В четвертом месяце день тянется, словно год. Хуамэй непрерывно стонала, теряла сознание. Лумэй не знала ни минуты покоя и очень страдала.

К вечеру дождь поутих, горы затянуло туманом. Ветер разогнал облака, закрутил в воздухе листья, разбросав их по саду, хлестал в окно. К двери то и дело прилетали ласточки с комочком глины в клюве.

Лотин вернулся, когда уже зажгли свечи. Он принес еду. Лумэй наскоро поела и хотела покормить Хуамэй, но, откинув одеяло, с ужасом увидела, что лицо девушки почернело, глаза закатились, дыхания почти не было. Лумэй в отчаянии обняла Хуамэй,

стала звать ее — все напрасно. Словно тысячи копий пронзили сердце Лумэй, и она зарыдала.

Древние говорили: «Когда счастье в избытке — приходит несчастье, когда горе достигает предела —

приходит радость». Лумэй в несчастье и слезах обрела мудрость, встретила со спасительной звездой и устремилась ввысь.

Глава восьмая

Чиновник Кан на постоялом дворе усыновляет юношу.

Княгиня Чэн наставляет в лодке чужую дочь.

Постоялый двор, где остановились наши герои, назывался Мэнчан. Хозяином его был уже знакомый нам Ши Цзинцзи, бывший учитель Пуюя. Держать постоялый двор он стал, возвратившись в родные края, в местечко, где правителем был некий Кан по имени Синьжэнь.

Уже немолодой, ему исполнилось шестьдесят, и очень богатый. Жене его, Сунь, тоже было под шестьдесят, сыновей им судьба не послала, была только дочь, Цайцзинь, да и та от первого брака госпожи Сунь. Госпожа Сунь была второй женой Кана — первая его жена, Уянь, умерла. Кан, надо сказать, души не чаял в Цайцзинь, у него не было собственной дочери! Вряд ли он любил бы собственную дочь больше. Он выдал ее замуж за некоего Джана, которого принял к себе в дом, всячески обласкал. Поскольку у Кана сыновей не было, зять стал всем заправлять в доме и взял себе двух наложниц — Дуйнян и Дэцзе, лет двадцати, не больше.

В день, о котором пойдет речь, Кан Синьжэнь уже в который раз с горечью подумал, что зять прожигает жизнь, ведет себя легкомысленно, и, чтобы хоть немного облегчить душу, пошел с дочерью прогуляться, заглянул на постоялый двор. Там, к своей радости, он застал Дэн Юня, тоже учителя, своего друга, и они решили заночевать на постоялом дворе, к тому же начался дождь. Всю ночь, слушая шум дождя, они беседовали. И вдруг услышали, что кто-то плачет. Вышли в сад и в одной из комнат через окно увидели юношу небольшого роста, в маленькой черной шапочке и синем халате с узкими рукавами. Лицо — омытая водой яшма, брови — весенние горы. Юноша обнимал кого-то, лежавшего на кане, и плакал. Синьжэню стало не по себе, он даже вздрогнул: «Просто не верится, что юноша может быть так прекрасен. Словно нарисованный! Женщину такой красоты и то редко встретишь. И кого это он обнимает? И почему плачет? Что-то здесь не так. Пойду разузнаю. Может быть, им нужна помощь». Он дернул дверное кольцо. И тотчас, откинув войлок, закрывавший вход, на пороге появился Лотин.

— Почему так горько плачет этот юноша? — спросил Кан Синьжэнь.

Лумэй поспешила встать, приветствовала незнакомца и сказала:

— Это мой слуга, мы с детства никогда не расставались, он везде меня сопровождает. Притомился в дороге и заболел. Вот-вот скончается. Страшно по-

думать, что я лишусь верного друга. — Лумэй снова заплакала.

Кан Синьжэнь подошел к больной. Она и в самом деле почти не дышала, из горла вырывались хрипы.

— Почему же, молодой господин, вы не обратились ко мне? — проговорил Синьжэнь. — Вместо того чтобы плакать, надо было показать больного врачу.

Он вернулся к Дэн Юню и попросил пригласить сюда его знакомого врача Лю, который остановился на этом же постоялом дворе. Читатель, наверное, помнит, что этот врач когда-то лечил Пуюя и Лумэй.

Лю осмотрел Хуамэй и сказал Лотину:

— Ничего опасного, больному надо пропотеть, и жар спадет. На ночь необходимо принять лекарство.

Лумэй поблагодарила врача, а Лотин принес тшечницу и кисть. Врач прописал лекарство, попрощался и ушел.

— Этот красивый юноша выглядит весьма странно, — сказал Лю. — Лицо его мне очень знакомо. — Он подумал и обратился к учителю:

— В прошлом году во дворце князя Бэня я лечил девушку. Не знаю, кем она придется князю. Так вот у этого юноши с ней очень большое сходство.

Учитель Ши Цзинцзи рассмеялся:

— Мало ли на свете людей с одинаковыми именами и внешним сходством. Может быть, та барышня — сестра этого юноши? Сразу видно, что он из знатной семьи.

Кан Синьжэнь запомнил эти слова. То ли от лекарства, то ли просто болезнь пошла на убыль, но Хуамэй пропотела, и не прошло и часа, как глаза ее заблестели и перестала болеть голова.

Лумэй, обратясь к небу, принялась горячо молиться. Она заметила, как пристально смотрел на нее доктор, и в душу закралось подозрение. Она сразу узнала доктора, едва он вошел, и теперь замирала от страха при мысли, что он тоже ее узнал. Девушка даже вскрикнула, чем напугала Лотина, который к ней подбежал и спросил:

— Что с вами, барышня? Ведь дело пошло на поправку, а вы снова горюете!

Лумэй объяснила, Лотин стал ее утешать.

— Он мог и не узнать вас. А если снова придет и станет расспрашивать, скажите, что он обознался.

Прошло еще немного времени, Хуамэй начала вставать с постели и то и дело просила есть. Радости Лотина не было границ. На лице Лумэй снова заиграла улыбка, она умылась, причесалась, с охотой

поела. Неожиданно пришел Кан Синьжэнь, а с ним — доктор Лю. Лумэй пригласила их сесть. Лю пощупал пульс больной и сказал:

— Опасность миновала. Сейчас главное — хороший уход. — Он поклонился Лумэй.

Лумэй знаком велела Лотину проводить гостей, и Лотин обратился к Кан Синьжэню с такими словами:

— Господин наш беден. Не знаю, как мы доберемся до места.

— Я охотно вам помогу, — ответил Кан Синьжэнь. И доктору заплачу. — Он достал несколько десятков лянов серебра и протянул Лю. Но тот отказался взять деньги, сказав:

— Вы, почтенный, делаете добро, а мы, простые люди, жители гор, думаете, не способны на это?

Они долго спорили. Наконец Лю согласился взять половину денег.

Тут доктора позвал учитель Ши, надо было навестить еще какого-то больного, и Лю ушел. Лумэй поблагодарила Кан Синьжэня за участие. Кан Синьжэнь сел и с решительным видом произнес:

— Хотелось бы знать фамилию и имя уважаемого господина, откуда он родом, по какой надобности едет в Пекин?

Лумэй как ни в чем не бывало ответила:

— Фамилия моя Лу, имя — Цзиньши. Мне девятнадцать лет. Вот уже год, как я осиротел. Мой покойный отец был уездным чиновником. Обучил меня грамоте. Родственник моей матери служит в столице, в училище Сынов отечества. Надеюсь с его помощью подыскать работу. В дороге неожиданно заболел слуга, вот мы и застряли здесь.

Манеры юноши и его умение держаться так понравились Кан Синьжэню, что в ответ он одобрительно кивнул головой и сказал:

— Я вижу, вы и в самом деле знатного рода. Но послушайте меня, старика. Я не знаю подлинных намерений господина. Только в столице сейчас спокойно. И вам нелегко будет найти вашего родственника. Тем более что вам надо заботиться об этом пожилom человеке и больном слуге. Если не возражаете, поедем вместе и будем друг другу помогать. Вы слишком молоды, а я слишком стар. Сыновей у меня нет, только зять. Если бы вы захотели обзавестись семьей... Мой зять — человек грубый, необразованный. А вы сразу пришлись мне по душе — и внешностью своей, и умом. Одно плохо — из-за разницы в возрасте мы не можем стать братьями, но я был бы счастлив считать вас сыном. Вашему слуге сейчас нужен хороший уход, иначе он не поправится. А потом вместе поедем в столицу. Все расходы беру на себя. Поживите пока в моем доме, озарите его своим светом, и тогда я смогу считать, что исполнилась мечта всей моей жизни. Если же я обидел вас своим предложением, прошу меня извинить.

А надобно вам сказать, что деньги у Лумэй были на исходе. К тому же ей выпало столько испытаний в пути! Время от времени она бросала взгляды на Лотина, который ей подмигивал. Наконец Лумэй встала и с поклоном проговорила:

— О почтеннейший, если слова ваши искренни и идут из самой глубины сердца — для меня это счастье. Низко кланяюсь вам и буду вас почитать, как сын почитает отца.

Радости Кан Синьжэня не было границ.

— Давайте тогда скрепим обрядом наш уговор, — сказал он. — Выпьем по кубку вина, и я пошлю слугу за паланкином.

Все, кто жил на постоялом дворе, стали наперебой поздравлять почтенного Кана с этим событием. Заиграла музыка. Словом, это был настоящий праздник.

Деревня, где жил Кан, находилась в десяти верстах от постоялого двора. Езды было не более часа. Хуамэй была еще очень слаба, и ее несли в паланкине, Лотин ехал верхом. Остальные в повозках. Дом у Кана был богатый, не хуже чиновничьего. Кан сообщил жене, что привез приемного сына, и ввел Лумэй. Жена была счастлива, увидев красивого юношу. Цайцзинь застыдилась и убежала. Все домочадцы радовались. Только зять Чжан оставался мрачным. Он поздоровался с приемным «сыном» и тут же ушел.

Кан велел прибрать одну из комнат, где и поселил приемного «сына» и его слугу.

Лумэй не замедлила послать в Цзинчжоу Лотина навести справки о дяде. Хуамэй под именем Чжуцзинь поселилась в деревне, чтобы поправить здоровье и отдохнуть.

Еще в первой главе мы вам рассказали о том, что министр Дай хотел отдать свою дочь в жены Пуую. Звали Дая Синьминь, и был он родом из Ханчжоу. Жил за городом, на берегу озера Сиху, и занимал должность генерал-губернатора провинций Гуандун и Гуанси. Дай обладал недюжинными способностями, и, хотя был далеко не молод, император призвал его ко двору.

Одно печалило Дая — у него не было сыновей, только дочь. Ее звали Луньюй, и была она девицей красивой и умной. Тринадцати лет выучилась играть на цитре, много читала, занималась рисованием. В семье ее холили и лелеяли, берегли, как истинное сокровище. Когда девушке исполнилось девятнадцать, князь взял ее с собой в столицу в надежде найти подходящего жениха. Четырнадцатого дня седьмой луны, когда они проплывали мимо Гуанчжоу, поднялся ураганный ветер. Лодка, которую нанял Дай, оказалась старой и ветхой, мачта сразу сломалась, и парус свалился в воду. Мамкам и нянкам строго-настроено было приказано всячески оберегать барышню, которая выросла во дворце и никогда не видела бури. Как раз в тот момент, когда мачта сломалась, девушка стояла на палубе, созерцая, как, пенясь, вздымаются волны, и мачта, падая, увлекла девушку за собой в реку.

Князь с княгиней в это время сидели в каюте, и когда лодку сильно качнуло, они услышали всплеск воды, а лодка едва не перевернулась. Супруги испуганно вскрикнули, и Дай поднялся наверх узнать, что случилось. Оказалось, что их сокровище погло-

тил повелитель вод. Старый князь горько заплакал, взывая к небу. Княгиня лишилась чувств. Недаром говорят: «Пестрые облака быстро рассеиваются в небе, драгоценность трудно сберечь в нашем призрачном мире». Разве не справедливы эти слова? Все это случилось в тот самый день, когда княгиня Гу ездила в монастырь, а Циньмо бросилась в реку. На час раньше или позднее. Ураганый ветер пролетел двадцать ли и унес в реку двух прекрасных девушек. Одна утонула по воле судьбы, а другая — сама оборвала свою жизнь. Недаром говорят: «Всякое дело и всякое слово имеют свои причины». И наша история тоже.

Итак, служанки привели в чувство княгиню Чэн, а Дай позвал лодочников и велел им вытащить из реки дочь. Весь день искали Луньюй и нашли только к вечеру. Девушку трудно было узнать, она вся была в глине и иле, волосы спутались. Лицо в темноте было едва различимо. Все радовались, что нашли барышню, и с шумом внесли ее в каюту.

Дай с облегчением вздохнул, спросил, как чувствует себя дочь. Служанки ответили:

— В носу и во рту у нее полно воды, но барышня теплая, и сердце у нее бьется. Надо надеяться, что она придет в себя.

Дай вознес Небу молитву, щедро наградил лодочников и приказал плыть дальше — дела не терпели промедления. Ударили в тарелки, и лодка двинулась дальше.

У княгини сердце разрывалось от боли, когда она смотрела на дочь, и, наказав мамкам и нянькам не отходить от барышни, она пошла в каюту и стала возносить молитву Небу.

Служанки изо всех сил принялись трясти барышню, чтобы из нее вылилась вода, с нее сняли всю мокрую одежду. Много времени прошло, прежде чем из груди девушки вырвался стон. Служанки тотчас побежали к князю и княгине, чтобы их обрадовать. Княгиня сложила ладони и снова стала молиться, помянув Будду. Служанки наготовили еды, сварили снадобье, растерли барышню соленой водой, и она вскоре уснула.

На рассвете к Луньюй подошли служанки, и, присмотревшись, обнаружили, что она сама на себя не похожа — нос стал длиннее, лицо шире, даже уши и подбородок изменились, остались прежними только губы. Служанки задрожали от страха. Да разве это Луньюй?

Ведь это «бессмертная» праведница Циньмо! Едва бросившись в реку, она услышала звуки тарелок, захлебнулась водой, потеряла сознание, и ее унесло течением. Сейчас она никак не могла понять, где находится, и стала чихать. После чего застонала, открыла глаза, увидела рядом незнакомых женщин и поняла, наконец, что она в лодке. А может быть, ей это чудится? Или же она прямоком угодила в ад? Но тут вспомнила, что в мире ином покойники не отбрасывают тени, а здесь на стене были тени, а одежда на женщинах сшитая — ясно обозначались швы. Циньмо вскочила и хотела бежать, но тут услышала:

— Барышня, вы куда? И почему вы так изменились?

— Я не барышня! Я — дух утопленницы. Что-то вы путаете.

— Никакой вы не дух, — запротестовали служанки, — вы в мире живых. Наша барышня упала в воду, ее стали искать, а нашли вас. Кто вы? Зачем бросились в реку?

Циньмо все рассказала, как было, и служанка пошла к княгине сообщить эту новость. Госпожа Чэн открыла глаза, перестала молиться и снова заплакала. А князь сам пошел взглянуть на Циньмо и увидел, что это и самом деле не его дочь. Еще влажное от воды лицо девушки было прекрасно, как лотос в каплях росы. Брови длинные — веточки ивы. Такой неземной красотой могла обладать только дочь царя подводного царства или святая дева, спустившаяся с небес. Ни речью, ни манерой держаться, ни умом она не уступала их дочери. Князь пошел к жене и сказал:

— Что пользы плакать? К счастью, небо подарило нам другую дочь. Такую же красивую и умную, какой была наша. Давай удочерим ее, будет и у нас на старости лет опора. — Тут князь кликнул служанку, велел ей идти к Циньмо и передать его слова.

Служанка пошла к Циньмо и сказала:

— Мои господа уже немолоды. Их единственная дочь вчера утонула. Всю реку обыскали, но вместо нее нашли вас. Такова, видно, воля Неба. Господин вас очень жалеет, говорит, что не судьба вам была умереть. Хочет сделать вас своей приемной дочерью. Тогда и вы будете счастливы, и господа утешатся в своем горе.

Циньмо подумала: «Раз уж мне не суждено было умереть, то о лучшем и мечтать нечего». И она сказала:

— Если и в самом деле таково желание господина и госпожи, я согласна — страдать больше нет сил!

Служанка побежала с радостной вестью к князю, затем вернулась к Циньмо и вместе с другими служанками причесала ее, нарядила и повела к господам. Циньмо, как и полагается дочери, поклонилась своим новым родителям. Она сразу пришлась по душе княгине, которая приняла ее как родную, ласково взяла за руку и принялась обо всем расспрашивать. Циньмо ничем не уступала ее несчастной дочери, но рана в сердце княгини еще не зажила. Не успела Циньмо назвать свое имя, как в разговор вмешался князь:

— Сразу видно, что девушка эта не из простой семьи, — сказал он. — Мы потеряли дочь. А теперь будто снова ее нашли. — И он обратился к Циньмо: — Поэтому будем звать тебя Луньюй.

Циньмо опять поклонилась. Итак, Циньмо превратилась в Луньюй. В это же время нашли тело Луньюй и похоронили на горе, приняв ее за Циньмо. Поистине:

В гнезде павлина обосновался яркий Феникс,
Тонкие ветви персика заменили собой грушевые ветви.

Вот уже год жила Циньмо в своей новой семье и почитала князя и княгиню словно родителей, они тоже к ней привязались и любили как родную дочь. Но вот настала пора выдавать Луньюю замуж. Князь долго искал достойного жениха из знатной семьи, но подходящего не было. Один недалекий, другой — со скверным характером, тот распутник, этот — мот и лжец. С виду посмотришь — хорош, но даром гласит пословица: «Сверху золото, внутри — гниль». Как-то прослышал князь, что у одного заезжего чиновника есть сын по имени Пуую. Случилось так, что князю довелось узнать его поближе. Пуую пришелся по душе, и он послал в дом Бэней сватов. Пуую, конечно, отказался, даже не поинтересовавшись, кто невеста. И вот из-за такого пустяка снова разошлись пути Пуую и Циньмо. На тысячу ли. С тех пор прошло полгода. Княгиня вместе с Циньмо выезжала в город, и многие молодые люди из знатных семей, увидев, сколь умна и красива девушка, просили ее руки. Чтобы никого не обидеть, князь всем отказывал — женихи были друзьями. А затем решил: пусть дочь поднимется на башню и бросит вниз мяч — в кого мяч попадет, тот и будет ее мужем.

Новость быстро облетела город, и многие пришли попытать счастья! Целая толпа женихов. В то утро князь рано встал, поднялся на башню, воскурил благовония, помолился Небу и Земле и велел позвать дочь. Он дал ей разноцветный мяч величиной с арбуз и велел бросить вниз.

Циньмо увидела множество голов, и ей показалось, что внизу собрались тысячи будд. Она застыдилась, оробела, и слезы покатались по щекам. Как раз в это время приехал в столицу Кан вместе с Лумэй и Хуамэй с отцом. Увидев князя Дая, толпу, они подошли ближе посмотреть, что случилось.

Уже наступил час лошади, но Циньмо и не думала бросать мяч, даже вниз не смотрела. Тогда князь попросил княгиню уговорить дочь бросить мяч. Поднявшись на башню, княгиня увидела, что Циньмо тихонько плачет.

— Девочка моя, что ты плачешь? — спросила княгиня. — На все воля божья! — с этими словами она взяла руку Циньмо, в которой был мяч, приподняла, легонько толкнула, и мяч полетел вниз.

Толпа пришла в движение, зашумела, словно море. И что удивительно, пролетев над толпой, мяч угодил прямо в голову Лумэй.

Загремели барабаны, затрубили трубы, стражники схватили за повод коня Лумэй и потащили к воротам княжеского дома. Хуамэй подняла такой крик, будто началась война. У Лотина, словно у барса, за сверкали от гнева глаза, серебряная борода встала дыбом, и он, размахивая дубинкой, не помня себя, ворвался во дворец.

*Перевод со старомонгольского
Л. Г. Скородумовой*